

Сирил почти не выходил в свет. В свободное время он читал книги, либо безучастно замирал, глядя на бескрайнюю морскую гладь, а после послеобеденного чая Аврора играла на пианино или выводила мелодии на скрипке, после чего он ложился спать довольно рано. Его распорядок дня был невероятно размеренным.

Он твердо решил не вмешиваться в... социальную жизнь Авроры, но это не означало полного попустительства. Когда подчиненные доложили, что Аврора и Сент-Лантон снова столкнулись на смотровой дорожке, Сирил надолго замер в раздумьях.

Она сама пошла на встречу? По какой причине?

Из-за слишком большого расстояния он не смог разобрать суть их разговора, да и на деле они лишь обменялись парой слов, прежде чем разойтись. Однако в последующие несколько дней Аврора выглядела крайне рассеянной. В ее облике не было и следа обычной девичьей влюбленности — скорее, она казалась потерянной и охваченной каким-то подспудным страхом.

...Оказывается, в ней есть тайны, о которых не знал даже он! Не заметив никакой явной угрозы — ведь девочка сама со временем вновь обрела самообладание, — Сирил сменил беспокойство на любопытство.

К Маркасу и Авроре он не предъявлял строгих требований. Гулять — пожалуйста, но лучше в компании, при наличии охраны в тени, чтобы не пришлось разгребать последствия их выходов. Эти двое детей привыкли соперничать и открыто, и скрытно; на людях они мастерски умели скрывать вражду, так что посещение званых ужинов или балов вполне могло пойти им на пользу. Если они сталкивались с трудностями, то объединялись против внешних угроз охотнее всех. Не раз случалось, что они натыкались на Джеффри, и тогда это была уже троица.

Сирила не покидало недоброе предчувствие. Поразмыслив в одиночестве, он направил еще несколько своих людей к Авроре, а затем приказал передать Розе определенное послание по одному вопросу. Он полагал, что она с радостью примет эту «шпагу» в свои руки.

Такая безмятежная жизнь продолжалась до последних дней рейса.

Море и суша — вещи разные, и выдержка большинства людей со временем ослабевает. Стоит лишь неделе беззаботных развлечений пройти, как уровень усталости неуклонно растет; и длительные морские путешествия, и долгие перелеты навевают подобное чувство. В итоге администрация судна оставила пышные банкеты и перешла к более спокойным и размеренным салонным встречам в качестве досуга.

Возможно, удача действительно была на стороне судьбы — в момент происшествия Сирил как раз находился на палубе!

Ночь была ясной, дул легкий прохладный ветерок, и на прогулку вышло немало молодых людей и пар. Сирил вышел рано, заняв место с прекрасным обзором, но при этом достаточно уединенное.

В какой-то момент, когда в поле зрения мелькали лишь тусклые огоньки, его невольно вспомнило кино, снятое по мотивам знаменитых морских катастроф.

К счастью, судно не врезалось в айсберг и не прекратило ход, а значит, произошел лишь сбой в системе освещения.

Телохранители, замаскированные под случайных прохожих, среагировали мгновенно и

окружили место происшествия. Люди на палубе видели всё воочию, поэтому возник лишь легкий шум: даже те, кто испугался, лишь пытались приглушить свои короткие вскрики. Зато в каютах повсюду раздавались крики, создавая атмосферу хаоса.

Тьма продлилась всего около двух минут, прежде чем заработало аварийное освещение. Огоньки зажигались один за другим, но беспорядок не прекращался. Напротив, ситуация казалась всё более накаленной.

— А размах впечатляет, — Сирил наблюдал за багровым отблеском пламени, пожирающего одну из кают. — В этот раз Лоуренсу придется несладко.

Перед самым внезапным переломом Аврора и Маркас только что закончили очередную перепалку. На этот раз искры переросли в настоящий пожар, и мелкие трения переросли в открытый конфликт. Впрочем, на людях они старались соблюдать приличия: хотя со стороны казалось, что они вот-вот бросятся друг на друга, чтобы задуть соперника, драки так и не случилось. Скорее всего, когда гнев Маркаса достиг критической отметки, он лишь хмыкнул, засунул руки в карманы брюк и развернулся, чтобы уйти.

Лицо Авроры было мертвенно-бледным, и лишь спустя долгое время она смогла тяжело выдохнуть. Ее пальцы были сжаты так сильно, что едва не прорвали ладони; кровь в голове словно потекла в обратном направлении, сковывая нервы, а виски неистово пульсировали.

Она не могла это вынести. Возможно, этот человек был единственным в мире, кто мог заставить ее потерять контроль без всякой на то причины. Словно огонь и вода, словно противостояние иглы и острив, — он был тем, кого она ненавидела больше всех, и тем, кому завидовала сильнее прочих. Но чаще всего ее злило не то, что она проигрывала в их словесных перепалках, а то, что ее попросту игнорировали.

Как он смеет! Как этот безмозглый, неспособный и грубый человек, который только и делает, что создает проблемы, смеет так ее игнорировать?!

Заметив, что атмосфера за соседним столиком стала гнетущей, Джеффри, нахмурившись, решил последовать за уходящей спиной Маркаса. Но не успел он сделать и пары шагов, как кто-то безжалостно схватил его за ухо и усадил на место.

— Сестра! — разочарованно воскликнул он.

Женщина с лицом куколки лишь с улыбкой покачала головой, в то время как сидевшая рядом с ней особа медленно поставила чашку кофе:

— Если ты действительно заботишься о нем, то сейчас тебе стоит притвориться, что ты ничего не заметила.

Джеффри повернулся к сидящей рядом девушке с холодным, отрешенным лицом и, нервно поджав губы, спросил:

— Почему?

При первой встрече с Маркасом он его просто возненавидел. Во второй раз они столкнулись чисто ради драки, и эта серьезная стычка помогла сбросить часть былой неприязни. Позже он постепенно начал чувствовать, что, хоть характер у того и изъеден изъязнами, он, по крайней мере, честен и достоин дружбы. Последние дни общения не изменили его мнения, но он заметил, что манера взаимодействия этих двоих была крайне странной для обычных друзей.

Голубые глаза златовласой женщины лишь скользнули по его лицу, не проронив ни слова. А его сестра лишь рассмеялась:

— Разве ты не видишь? Они ненавидят друг друга, но продолжают сосуществовать в мире, подобно столкновению острых клинков. Какими бы противоречивыми они ни были, это не изменит того факта, что их души схожи. Но эта девочка — застывшая лава, а тот, кем ты восхищаешься, — яростный кусок льда. Без подходящего способа тебе не растопить его сердце.

С улыбкой она повернулась к своей спутнице:

— Какой сложный ребенок... Не так ли, Жасмин?

Джеффри опешил:

— Сестра... ты что, шутишь?

Сестра посмотрела на него с доброй иронией, словно говоря: «Ты еще слишком неопытен»:

— Не считай себя таким уж умным, Джеффри. Когда ты видишь человека вблизи, можешь ли ты отличить истинное лицо от надетых масок?

— Поэтому не верь собственным глазам, даже если перед тобой кто-то очень знакомый. Некоторые умники любят казаться дураками. Но когда ты привыкаешь к мысли, что он дурак, и внезапно обнаруживаешь, что он на самом деле умен, — вот тогда именно ты окажешься тем, над кем будут посмеиваться. Именно поэтому эта девочка так зла.

Мировоззрение Джеффри пережило очередной удар. В его голове роились образы Маркаса; он отчаянно пытался стереть из памяти впечатления о нем — то нелепого, то глупого, то заносчивого и властного, — но это давалось с трудом.

Боги... это правда не шутка?

И именно в тот момент, когда он пребывал в глубоких раздумьях, не находя ответа, произошло непредвиденное!

Когда огромная центральная люстра внезапно рухнула вниз, все звуки в зале словно мгновенно исчезли — остался лишь оглушительный грохот разбивающегося тяжелого предмета.

К счастью, прямо под люстрой никого не было! Те, кто оказался ближе всех, находились лишь на самой границе тени, и благодаря быстрой реакции окружающих им удалось избежать беды. К несчастью, в тот же миг, когда люстра ударилась о пол, центральная опора вместе с основанием разлетелась вдребезги, с огромной силой разбрасывая осколки кристаллов и металлические детали. В мгновение ока крики и стоны пронзили ночную тишину на борту «Богини Охоты».

Джеффри среагировал достаточно быстро: он резко пригнулся, уклоняясь от летящего осколка агата, и в тревоге обернулся к сестре. Но за это краткое мгновение стул его сестры уже был опрокинут, а Жасмин прижимала ее к полу, заставляя пригнуться.